16+

Н. ЛАНГ
КАНУН РОЖДЕСТВА

Н. Ланг

Канун Рождества

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Ланг Н.

Канун Рождества / Н. Ланг — «ЛитРес: Самиздат», 2020

После лавины настоятель Владимир находит у порога церкви молодую женщину. Её одежда в крови. Одиллия обессилена и больна. Настоятель решает помочь ей. Боясь смерти, гостья исповедуется и открывает ему старый секрет. Она стала свидетельницей убийства своей сестры-близнеца. Сможет ли Одиллия посмотреть в глаза призракам прошлого?

© Ланг Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Снежный капкан 5
Глава 2. Исповедь 24
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Глава 1. Снежный капкан

Канун Рождества – таинственное время. Время, когда принято загадывать желания. В Рождественский сочельник сбываются самые невероятные мечты. Кто-то грезит о счастье, кто-то о деньгах, кто-то строит замки из песка. Одиллия мечтала выбраться из снежной круговерти, которая застилала глаза и не давала дышать.

Вьюга выла, как дикая волчица, вселяя ужас в душу. Снег забивался в рот и нос, в карманы и обувь, но молодая женщина упрямо брела вперёд. Ветер бросал колючие кристаллы в лицо, хлестал по щекам холодными порывами. Вдалеке кто-то ухал, вероятно, филин. Дрожа, Одиллия оглянулась – убедиться, что идёт одна. На белоснежном снегу петляла цепочка её неуверенных следов. Она так устала, что почти не могла шевелиться, но всё же, не останавливаясь ни на секунду, двигалась дальше. Эмоции исчезли, уступив место холоду. Ледяными крыльями он развеял изнеможение, и морозными кандалами сковал тело. Она с детства ненавидела зиму. Слёзы застыли на щеках, ресницы слиплись, она то и дело снимала перчатки, чтобы убрать иней с глаз. И стиснув зубы, шла в неизвестность. Оди не знала, где очутилась.

Из-за бурана, что заставил склонить голову, она видела только свои ботинки. Сугробы росли и теперь достигали коленей. Шквал сбивал с ног. Казалось, ветер подхватит её и унесёт в неведомую страну. Она замирала, пережидая гнев природы. Идти было тяжело, не хватало воздуха, к тому же она почти сутки ничего не ела.

Одиллия уже потеряла надежду на спасение, как вдруг… Среди бесновавшейся, словно белая тигрица, бури показался купол, венчавший церковь. Он мелькнул на мгновение и снова скрылся в непроглядной снежной пелене. Не веря собственным глазам, Одиллия зажмурилась, опасаясь, что это всего лишь иллюзия. Внезапно сделалось тихо. Шторм на миг успокоился. Кружась в мистическом танце, с неба мягко падали снежинки. Однако злодейка – вьюга копила силы, чтобы со всей мощью обрушиться на беззащитную землю.

"Пусть это будет церковь" – молилась Одиллия.

Делая маленькие шаги, щурясь от ветра, она вглядывалась в беспросветную даль. Заметив украшенный кипенно-белой шапкой купол, Одиллия остановилась. Вот оно! Спасение рядом! Сделав несколько глубоких вдохов, она ступала вперёд. Однако церковь не приблизилась даже на метр, и Оди подумала, что никогда не добредёт до неё. Она боялась, что единственный шанс остаться живой растворится, как мираж в пустыне, боялась, что это галлюцинация, но неотступно шагала в направлении своей мечты. Эта церковь стала для неё недостижимой мечтой.

Когда цель была близка, Одиллия предательски споткнулась. Она никогда не думала, что погибнет вот так – в снежном капкане. Прощай жизнь! Одиллия примирилась с этой мыслью и лежала, не шелохнувшись. Холод потихоньку проникал в её тело, завладевал сначала ладонями, потом пальцами ног, прокрадывался по венам к сердцу. Завывавший ветер не утихал ни на минуту, пробирая до костей.

"Нет, я не сдамся! Не сейчас!" – подумала она.

Подняться Оди уже не смогла, её трясло как в лихорадке. Она беспомощно барахталась в сугробах и, поняв тщетность своих попыток, затихла, собираясь с духом. Продолжавшая бесчинствовать вьюга, только набрала полную силу. Одиллия поползла, оставляя за собой кривую дорожку, но быстро выдохлась. Чтобы не замёрзнуть нужно, двигаться, кровь должна ускорить свой бег. Женщина перекатилась на спину, потом на живот.

Мгла расступилась и, подняв глаза к небу, что разразилось снежной бурей, Одиллия вновь увидела аккуратную золочёную луковицу – купол церкви. До боли кусая губы, превозмогая нарастающее бессилие, Оди встала. Желудок голодно рычал, мучила жажда. Одиллия зачерпнула снег в ладони.

– Ни в коем случае нельзя есть снег – замёрзнешь! – строго-настрого запрещал в детстве отец.

Оди вздрогнула и поспешно выбросила снежную крупу. Идти, идти, нужно идти.

"*Ты не выберешься отсюда! Навсегда останешься здесь*" – шептал в голове тонкий девичий голосок.

Одиллия замерла и огляделась. В снежном круговороте терялся весь мир. Она не могла определить, куда направиться. На север, юг или запад.

– Сделай шаг, хоть один шаг, – велела она себе.

Её характер соперничал с силой природы и злобой судьбы. Прошла бесконечная вереница минут, прежде чем женщина подобралась к заветной цели. Низко склонившись, она наблюдала за тем, как её ноги в тяжёлых альпинистских ботинках утопают в застругах. Мышцы налились усталостью. Когда она подходила к подворью сугробы стали меньше, в проплешинах темнел лёд, намёрзший на мощёную дорогу.

– Только не сегодня, – повторяла Одиллия, пытаясь удержать равновесие. – Только не сегодня.

Церковь оказалась настоящей, построенной в давние времена. Несколько сотен лет она стояла на обрыве, подбоченившись, словно старушка, завёрнутая в белоснежную пуховую шаль. Опутанная туманами, церковь величаво возвышалась над долиной. В ясную погоду, когда солнце невзначай касалось золотых боков купола, он сверкал, поэтому его было видно издалека. Небольшой храм превратился в путеводную звезду для заблудившихся странников.

Одиллия боялась упустить из виду этот спасительный маяк. Силы оставили её, когда она добралась до лестницы, что вела к входу в святилище. Судьба, словно не желая помочь ей выжить, порывами ветра отталкивала Оди назад, но она, закусив до крови губу, пробивалась наверх. Лестница состояла из сотни ступеней. Все они были покрыты снегом и льдом. Одиллия поскальзывалась, но упорно поднималась к паперти. Входивших на территорию комплекса встречала арка, сложенная из бутовых камней, потерявших цвет.

"*Ты предала меня*, – злорадно нашёптывал голос сестры. – *И заплатишь за это*".

Одиллия остановилась, закрыла глаза и сделала болезненный вдох. Морозный воздух обжёг горло и лёгкие, но привёл в чувство. Рот онемел. Руки замёрзли и ног она почти не чувствовала. Нужно чтобы кровь циркулировала, от сердца разбегалась по артериям и венам. Только движение спасёт её.

Наконец победив себя, она очутилась на паперти. Небывалое облегчение вместе с истощением нахлынули на неё. Одиллия так сильно устала, словно скиталась годами. Она повалилась на колени у порога, так и не сумев открыть дверь, или хотя бы постучать.

Жизнь ускользала от неё. Замёрзшие губы едва шевелились, голос был почти неслышен. Ветер уносил мольбы о помощи к небу. Зубами она стащила промокшие перчатки и поднесла озябшие ладони ко рту, подышала немного на ледяную кожу. Согреться не получалось, крупная дрожь волнами сотрясала тело. Суставы ныли от холода.

Дыхание сделалось слабым. Вдруг нестерпимо захотелось спать. Одиллия приготовилась к смерти…

***

Медный чайник на плите, нагревшись, засвистел. Настоятель Владимир отвлёкся от книги, встал с уютного кресла, бросил пару ложек заварки в чайничек и налил кипятка. По комнате разнёсся аромат имбиря и малиновых листьев, напоминавший о минувшем лете.

Взыскательному обывателю интерьер трапезной показался бы чересчур аскетичным. Стены обшиты сосной, которая произрастала в местных лесах. В воздухе витал чарующий древесный запах. Посередине комнаты стоял длинный деревянный стол из струганных досок, который смастерили сами священнослужители. На столе поблескивал хрустальными гранями старинный, как и вся утварь, графин, наполненный водой. Стулья с затейливыми ножками тоже

были выполнены из древесины. Чуть поодаль слева от входа заложили печь с варочной плитой, согревавшую своим теплом в промозглые дни. Рядом на удобной лежанке дремала чёрная кошка. Два окна занавешены ситцевыми шторами в коричневую клетку. Немного уюта строгому помещению добавляло кресло, стоявшее у печи и белая праздничная скатерть, застилавшая стол. В лакированном буфете хранился фарфоровый сервиз, подаренный прихожанами на Пасху.

Настоятель взял с полки свою любимую кружку. На блестящих боках чайника появилось его причудливое отражение. Отец Владимир носил аккуратную бороду. Его волосы убелила седина, а лицо изрезали глубокие морщины, очки с толстыми линзами делали карие глаза огромными и выразительными. Роста он был выше среднего и сохранил юношескую статность, которую скрывал длиннополым подрясником. На его груди всегда висел простой серебряный крест.

– Летом пахнет, – с ностальгией произнёс алтарник Лёшка, собиравший пазл.

Он улыбнулся, вспомнив о солнце. Кожа на веснушчатых щеках долговязого паренька сохранила прикосновения солнечных лучей. Весь его облик напоминал о тёплых днях: огненно-рыжий ёршик волос, озорные зелёные глаза и весёлая улыбка. Он улыбался, даже когда горе пришло в его дом.

– Вьюга разошлась! – сказал настоятель, выглянув в окно. – Не видно ни зги.

Свет моргнул и через секунду выключился. Воцарилась темнота и только пара кошачьих глаз горела в углу комнаты. Потягиваясь, кошка спустилась с лежанки, медленно и деловито подошла к Лёшке и прислонилась к ногам юного хозяина.

– Не пугайся, Катастрофушка, это всего лишь непогода. Скоро всё утихнет, – обещал алтарник и погладил любимицу.

Похоже, в эти края ворвалась буря, какой не видели последнее десятилетие. Штормовой ветер повредил линии электропередачи, и церковь совсем изолирована от мира. Необычное и поразительное чувство отрешенности переплеталось с гармонией. Настоятель извлёк фонарик из массивного серванта и положил его на стол.

Вдруг посреди шквала раздался странный шум.

– Что-то упало во дворе? – насторожился Лёшка и замер, вслушиваясь в тишину.

Настоятель задумчиво покачал головой. Нет, он ничего не различил. Должно быть, ветер шумит. На такой высоте порывы бывают мощными. С улицы доносились завывания и жалобный плач. Вероятно, скрипели плохо укреплённые ворота. Иногда природа изобретает удивительные созвучия, а людей подводит восприятие. В царившей темноте зловещие звуки вселяли неуверенность, и даже страх.

– Опять почудилось, – проворчал Лёшка. – Разве вы ничего не слышали?

Настоятель Владимир посмотрел в окно. Казалось, под снегом скрылась целая вселенная. Белоснежное покрывало окутало гору Белуху, а вместе с ней и долину. Тьма и снежная круговерть порождали в душе чувство безмятежности и лени. В такой вечер хотелось завернуться в пушистый плед, выпить горячего чая и почитать интересную книгу. Но этот настойчивый шум приводил Лёшку в смятение, он кинул беспокойный взгляд на священника.

– Будто кто-то пытается привлечь внимание, – проговорил алтарник.

– Пойду, погляжу, что там, – пробормотал настоятель, накинул пальто, взял шапку и вышел во двор.

Мгла окружила его. Враждебный ветер почти сорвал с него шапку, отец Владимир плотнее запахнул пальто и вдруг заметил на паперти тёмный силуэт, прислонившийся к кованым перилам. Для прихожан слишком поздний час, да и погода не располагает к прогулкам. Иерей напряг зрение и осторожно приблизился, не веря себе. Увидев человека, он замер от удивления. В сумраке священник не разобрал мужчина это, или женщина. Он склонился и дотро-

нулся до покрытого инеем лица несчастной. Одиллия была без сознания, когда её обнаружили. Жизнь едва теплилась в хрупком теле.

– Алексей, живей сюда!!! – позвал он.

Лёшка выбежал и на миг смущенно застыл.

– Что стал как вкопанный? – прикрикнул Владимир. – Здесь требуется помощь!

Настоятель поднял молодую женщину. Она оказалась лёгкой, почти невесомой, несмотря на экипировку.

– У неё кровь! – удивился Лёша. – Эх, не было печали. Не к добру это.

– Подожди с выводами, нужно найти ранение.

Священник понёс пострадавшую в дальнюю комнату, которая пустовала уже несколько лет. За ним семенил алтарник с фонариком, разгонявшим полумрак. Дом настоятеля был возведён рядом со старинной церковью и соединялся с ней переходом. Пономарь широко распахнул резные двери, и отец Владимир прошёл по галерее, тускло освещённой фонарём, из-за чего их тени выглядели неестественно вытянутыми. Свет скользил по стенам, украшенным мотивами из Библии. Слева возникла картина из мрака времён – Каин, восстав против Авеля, убил его.

Войдя в комнату, Владимир бережно положил незнакомку на кровать. Снег, что остался от его сапог, таял на пороге. Алтарник принёс из трапезной лампаду, в которой мягко мерцало пламя, и поставил на тумбочку. Женщина бессвязно бормотала, иней растворился на её обветренной коже. Лёшка в недоумении топтался рядом, не зная чем помочь.

– Ты осмотрись – нет ли ещё кого в округе. Возможно, она была не одна, – велел настоятель Владимир. – Только будь осторожен!

– Хорошо, я проверю, – бросил Лёша и выбежал из дома.

Утопая в снегу по колено, он обошёл церковный двор. Вьюга кружила и злилась, не давая обзора. Лёшка выбрался за пределы подворья и разглядел почти занесённую вереницу следов. Женщина пришла одна.

Построенная в бесконечно далёкие времена, церквушка стояла на краю холма, заканчивавшегося обрывом. Лёшка опасливо приблизился к кромке, глянул вниз в непроницаемую тьму, и свистнув, поспешил отойти. Ему недавно исполнилось семнадцать лет, три года из которых, он провёл на попечении настоятеля Владимира. Юноша исполнял важные поручения и помогал иерею проводить богослужения, чем несказанно гордился. Однако он никак не мог привыкнуть к головокружительной высоте, на которой располагалась церковь.

– Есть тут кто? – крикнул Лёшка.

Его крик подхватил шквалистый ветер и унёс далеко, туда, где царила непроглядная ночь. Казалось внизу за пределами заснеженной долины, где спрятались маленькие домики, мир заканчивался. Однако Лёшка знал, что мир гораздо больше и многограннее человеческого воображения. Этот мир хранит множество секретов, иногда страшных. И каждый человек, переступивший порог этого храма, скрывает какую-нибудь тайну.

***

Оди обдало жаром от печи, расположенной в углу. Женщина на мгновение открыла глаза, обвела растерянным взглядом незнакомую комнату и вновь погрузилась в беспамятство.

– Похоже, у неё переохлаждение.

– Ещё бы в такую ночь. Но как она тут очутилась? – спросил Лёшка, только вернувшийся в дом.

– Пути Господни неисповедимы. Она здесь, значит, мы должны помочь ей.

Настоятель снял с Одиллии куртку, перепачканную кровью, и отдал алтарнику. Лёша понёс её в прихожую и аккуратно положил на скамейку. Он подумал, что эта вещь может стать уликой. Испытывая необъяснимое волнение, подросток вернулся в комнату.

– Я не вижу никаких ран, – сказал иерей, осторожно снимая промокшие ботинки и носки.

Одиллия дрожала. Тепло приникало в кровь и волной прокатывалось по телу.

– Пальцы ледяные, – подметил настоятель, когда коснулся её ладоней. – Неси шерстяные шарфы.

Лёшка достал из шкафа все шарфы, которые у них имелись. Настоятель тем временем, снял холодную одежду необычной гостьи. Оставив только футболку и шорты, он поспешно закутал незнакомку в одеяло. От его внимательных глаз не ускользнул глубокий шрам на левом запястье и синяки.

– Принести горячей воды? – предложил алтарник.

– Позже, сейчас будем действовать деликатно, – проговорил настоятель, заворачивая руки незнакомки в шарф.

– Может, растирать кожу?

– Нет, мы добьёмся её омертвения. Надо греться постепенно. Принеси, пожалуйста, чая.

Схватив фонарик, Лёшка побежал в трапезную, взял большую кружку, налил в неё ароматного чая и вернулся.

– Вот, держите, – он протянул кружку настоятелю. – Что я ещё могу сделать?

– Больше ничего. Остаётся ждать, – терпеливо произнёс настоятель.

Ожидание порой становится суровым испытанием. Но никогда не стоит опускать руки и предаваться унынию. Настоятель приподнял голову женщины и поднёс напиток к обветренным губам. Одиллия пила торопливо и жадно.

– У неё обезвоживание, наверное, провела без воды день или два, – допустил настоятель.

Одиллия закашлялась. Её лицо горело, на щеках проступали белые пятна, тело отказывалось подчиняться ей. Она испуганно вздрогнула, когда священник дотронулся до пылавшего лба.

– Тише, – ласково прошептал настоятель и помог гостье лечь на подушку.

Одиллия обвела комнату встревоженным взглядом. Стены были побелены совсем недавно, единственным их украшением служили круглые механические часы. Она лежала на сколоченной из сосновых досок кровати с жёстким матрасом. Рядом разместили тумбочку, покрытую коричневым лаком и самодельный стул. Тускло светившая лампада и кружка отбрасывали причудливые тени. Пространство виделось нереальным, а контуры вещей – размытыми. Казалось, что Оди всё ещё кружила посреди заснеженных гор, не в силах найти выход из морозного лабиринта.

– Как вас зовут? – спросил иерей Владимир.

Устало закрыв глаза, она ничего не ответила. Темнота, будто лавина, внезапно обрушилась на неё.

"*Расскажи ему всё!"* – велел голос Одетты.

Оди хотела закричать, что ничего не скажет, но получился только слабый стон.

– Отдыхайте, – произнёс Владимир и укрыл её одеялом.

Вероятно, неизвестная скоро придёт в себя и ей понадобится помощь. Он поставил стул рядом с тумбочкой поближе к единственному источнику света, взял потрёпанную книгу, которую не мог дочитать уже несколько недель. Остаток вечера настоятель провёл у постели странной гостьи. Одиллия воспринимала реальность урывками, она, как нечто эфемерное, ускользала от женщины. Блекло мерцало пламя в старинной лампаде, а на потолке развернулся настоящий театр теней. Тени расплескались по комнате, затаились в углу. Перед взглядом мигали красные огоньки. Оди думала, что до сих пор блуждает в снежных дебрях, обреченная на жестокую гибель. Один из путей хитроумного лабиринта привёл её в прошлое, которое скрывалось за дверью, ведущей в детскую.

Одиллия вернулась в тот страшный день, который проживает в душе вновь и вновь. Тринадцатый день рождения.

Сквозь тонкий зазор в шторах солнце несмело заглянуло внутрь комнаты. Оно нежно касалось закрытых век, скользило по щекам солнечным зайцем. Сонно что-то пролепетав, Оди забралась под одеяло. Блик крался по полу, а вместе с ним появилась она. Бледное отражение былого. Одетта по обыкновению зашла в комнату Одиллии, которая дремала, но слышала лёгкие шаги сестры. Одетта стянула одеяло с Одиллии и легла рядом, совсем, как в детстве. Они не разлучались, когда ночью бушевала гроза, или Оде снился кошмар. Сестрёнка приходила всегда. Сейчас от Одетты исходил пугающий запах тлена. Повеяло холодом, от которого не спастись даже с помощью огня.

"*Ты никогда не избавишься от меня!* – шепнула на ухо Одетта. – *Я всегда буду с тобой. Ведь мы неразлучны. Помнишь, Инь и Ян".*

Шёпот звучал, будто издалека и казался едва различимым пением птиц за окном, звуком ветра, игравшего с ветвями деревьев.

Одиллия повернулась и увидела сестру. Она была мёртвой. Прекрасное лицо обернулось уродливой маской смерти, губы почти сгнили, а рот превратился в зловонную впадину. Это была уже не Ода, а злобный дух. Она потянулась, чтобы обнять Одиллию, но та отпрянула и, испугавшись, вскочила.

– Не трогай меня! – вскрикнула Оди, до сих пор пребывая во сне.

Задремавший настоятель проснулся и подбежал к гостье. Одиллия тревожно озиралась, не понимая, что происходит и где она находится. Перед глазами летали белые мухи, словно бесновалась вьюга, в ушах шумело. Пространство было наполнено напряжением и страхом, сгустившимся вокруг незнакомки. Настоятель укрыл её упавшим одеялом, поднёс к губам, кружку с остывшим чаем. Гостья посмотрела на священника, безразличная ко всему, сделала глоток и смежила веки.

– Отдыхайте, – пробормотал он и поставил кружку обратно на тумбу.

– Вам помочь? – поинтересовался Лёшка, просунув голову в дверной проём.

– Ложись спать. Я подежурю, вдруг ей станет лучше, – распорядился настоятель.

Лёша согласился с ним и пошёл в свою крошечную каморку, что располагалась рядом с галереей. Уснуть в такую необычную ночь не получится. Ведь впервые на Лёшиной памяти в церкви остаётся переночевать турист. Точнее туристка. И какая! Он мельком разглядел её. Чёрные, как у цыганки, локоны обрамляли бледный овал лица и подчёркивали изумрудно-зелёные глаза, блестевшие под широкими бровями. Чувственные губы, что-то шептали в бреду.

– Никому не расскажу, – успел расслышать он, прежде чем настоятель попросил его покинуть комнату.

Ведьма не иначе! И что за секрет она боится выдать? Любопытство беспокоило алтарника до самого восхода солнца. Даже за чашкой утреннего кофе он продолжал строить предположения. Быть может, это призрак. Однако подросток усмехнулся при этой мысли. Уж больно материальна была незнакомка.

– Телефон не работает. Нам бы сотовым обзавестись, – предложил алтарник, заметив на пороге трапезной сонного отца Владимира.

Настоятель покачал головой. В век, когда батюшки ведут популярные блоги, церковь не запрещала священнослужителям иметь смартфоны, однако иерей считал их излишеством. Он полагал, что обычного стационарного телефона достаточно, чтобы поддерживать связь с миром.

– Нужно как-то сообщить о ней спасателям, – проговорил Лёша и отпил из чашки.

***

Перед рассветом у незнакомки усилился жар, кашель разрывал лёгкие, её сотрясала крупная дрожь. Ломило каждый сустав, было трудно дышать, саднило горло. Холодная ладонь настоятеля принесла некоторое облегчение, но всего лишь на краткий миг. Одиллия ненадолго пришла в себя, обвела беспокойным взглядом сумрачную незнакомую комнату.

– Где я? – сипло спросила она, растерянно поглядев на облачённого в тёмный шерстяной подрясник мужчину с окладистой бородой, склонившегося над ней.

Он был взволнован состоянием незнакомки.

– Вы в церкви Святого Николая Чудотворца, – ответил он. – Как вас зовут?

– Одиллия Шумилина, – тихо отозвалась она и закашлялась. – А кто вы?

– Я помощь, в которой вы так нуждаетесь, – сказал он и улыбнулся. – Что произошло?

– На пике Делоне случилась лавина, – едва слышно произнесла она.

Священник напоил её горячим молоком с мёдом, которое любезно принёс алтарник. Потом дал жаропонижающие таблетки. Тишину в комнате нарушали хрипы и надсадный кашель Одиллии. Отец Владимир меланхолично размышлял о том, что же привело её в этот оторванный ото всего мирского уголок.

– Наверное, ваши родители любили "Лебединое озеро", – произнёс он.

Глаза гостьи стали влажными от затаённых слёз, губы дрожали. Её захлестнуло отчаяние.

– Мне кажется, я умираю, – прошептала Одиллия и вдруг встрепенулась. – Нужно помочь ему, нужно спасти его.

– Кого спасти? С вами был кто-то ещё? – встревожился Владимир.

– Да, мой друг – Станислав Белов. Вы поможете отыскать его? – она схватила священника за руку и крепко сжала.

– У вас температура. Вызвать спасателей пока не получается – телефон не работает, дорогу замело, машина не проедет. Как только утихнет буря, мы сделаем всё возможное, чтобы помочь вашему другу.

– Не оставляйте меня, – молила она. – Мне страшно.

– Чего вы боитесь?

– Это сложно объяснить, – отвечала она слабым голосом. – Но я чувствую, что нужно рассказать обо всём.

– Вам необходим отдых, у вас, вероятно, воспаление лёгких. Сон поможет вам восстановить силы, и завтра вы всё расскажете.

– Я должна сделать это сейчас… Завтра может быть поздно, – с трудом вымолвила Одиллия.

Настоятель замер в ожидании рассказа. Ему часто исповедовались и не только прихожане. Он обладал удивительным даром располагать людей к откровенности. Владимир умел слушать, для этого требовалось понимание и терпение. Он открыл в себе этот талант задолго до того, как решил стать священником. Люди ощущали в нём благожелательность и многие сами, не зная причины, доверяли ему тайны своего прошлого.

Мысли путались, слова никак не хотели складываться в предложения. Одиллия не могла сосредоточиться, сделав над собой усилие, она приподнялась на подушке.

– Только обещайте, что не придадите огласке мою историю, – попросила она, и облизнув пересохшие губы, добавила: – Боюсь, не доживу до завтра.

За долгий срок службы в церкви настоятель ни разу не нарушил таинства покаяния. Это сокровенный момент, когда можно говорить с душой человека. Открывается множество секретов, множество грехов маленьких и больших, невольных и намеренных. Тернистый путь к спасению, который не каждый сможет осилить. Но какие грехи тяготят сердце молодой женщины?

– Что ж вы можете быть спокойны относительно меня. Я сохраню ваш ужасный секрет. К тому же, я полагаю, вы выживете.

Одиллия устало закрыла глаза. Несколько долгих минут она собиралась с силами, чтобы начать грустную повесть.

– Я давно не была в церкви. И никогда не исповедовалась, – хрипло пробормотала она.

– Начните с того, что вас больше всего волнует, – посоветовал священник.

– Я стала свидетелем убийства моей сестры, – выпалила она.

Настоятель опешил от услышанного. Он не предполагал, что за неприглядный секрет таится в глубине души Одиллии.

– Это её кровь на вашей одежде? – осторожно спросил он.

По обветренным щекам женщины текли слёзы раскаяния, но они не приносили облегчения, только горечь и печаль.

Одиллия на мгновение замерла растерявшись. Она всегда стеснялась собственной слабости. Настоятель молчал, смиренно ожидая, когда слёзы иссякнут, как летний дождь.

– Нет, что вы, – отрицала она и её щёки окрасил румянец.

– Чья же кровь на куртке?

– Не знаю, – прошептала она. – Извините, не могу вспомнить. Последние дни окутал туман.

Оди беспомощно озиралась, будто потеряла что-то и никак не могла найти. Настоятель Владимир терпеливо вздохнул.

– Длительное время я хранила молчание и ничуть себя не оправдываю. Моему поступку нет прощения, – всхлипнув, произнесла Одиллия.

– Как это случилось?

– Моя сестра погибла шестнадцать лет назад.

Её голос печальным эхом разнёсся по полупустой комнате, где тотчас воцарилось напряжённое, полное ожидания, безмолвие. Его нарушало тиканье настенных часов, напоминавших о скоротечности человеческого существования, и хриплое дыхание гостьи.

– Если вам тяжело вспоминать о тех страшных событиях…

– Нет, мне нужно облегчить душу, – поспешила с ответом Одиллия. – Это произошло давно, но я помню всё. Помню каждую секунду того далёкого дня. Дня нашего рождения.

Моя сестра… Одетта… Выглядела такой хрупкой, как статуэтка из хрусталя или фарфора. Её кожа, очень бледная и тонкая, сквозь неё виднелись синеватые вены, подобные рекам на земле. У её души был столь же тонкий покров. Одетта обладала восприимчивой натурой. Любая мелочь глубоко трогала её. Сестрёнка часто плакала, порой по пустякам. Она всегда была на виду, не умела ничего скрывать.

Я считала её своей противоположностью. Мы как Инь и Ян, чёрное и белое. Нам трудно существовать вместе, слишком разные у нас характеры… Были…

Даже по прошествии стольких лет Одиллия не оправилась от утраты. Слёзы застыли в уголках глаз, руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Она не смирилась. И ей стоило больших усилий вновь продолжить, ведь о том, что имеет значение рассказывать сложно.

– Говорят умереть в день рождения хорошая примета. Древние верили, что душа умершего достигла истинного просветления. Мне кажется, что это всего лишь злая ирония, – она с грустью посмотрела на часы, отмерявшие мгновения. – Я не сказала вам – мы с Одеттой были близнецами. И день появления на свет у нас – общий. Один на двоих. Одетта родилась на пять минут раньше, чем я, – облизнув губы, пробормотала Одиллия.

– Весомое преимущество, – насмешливо заключил настоятель.

– Время имеет над нами огромную власть. Лавина за секунду смела наши со Стасом жизни. Один день может изменить судьбу навсегда. Особенно символично, если это твой день рождения…

…Одиллия вспомнила, что семья Шумилиных предпочитала проводить именины в необычных местах. На шестилетие папа взял их на рыбалку, и они всё утро провели у живописного озера в надежде поймать золотую рыбку, которая была обещана в качестве подарка.

Устроившись на краю деревянного пирса, близнецы закинули удочки и замерли в предвкушении чуда. Но, как известно, ждать иногда приходится долго. Терпение не было сильной чертой Оди, поэтому она зачерпнула пригоршню холодной воды и плеснула в лицо Одетты. Она завизжала и сделала то же.

Дети веселились, брызгались водой и за два часа не поймали ни одной рыбки. Папа строго предупредил:

– Рыба любит тишину!

Девочки переглянулись, как заговорщики и смолкли.

– Смотрите! – тихо произнёс папа и наклонился, они последовали его примеру и увидели маленьких золотых рыбок.

– Пап, это же настоящее чудо, теперь можно загадывать желания каждый день, – прокричала довольная Оди и запрыгала от радости.

– С осторожностью относитесь к своим желаниям, – назидательно проговорил отец, проворно извлёк рыбок сачком и залил вместе с водой в пакет.

Одетта назвала свою рыбку Адмиралом, Одиллия – Аквой. Шесть лет рыбки жили в одном аквариуме, взрослели вместе с сестрами и даже в чём-то походили на них. Оди пренебрегла советом отца и часто загадывала желания Акве, но исполнять их она не торопилась…

…Настоятель усмехнулся, вспомнив, как сам нередко загадывал желания, и они не исполнялись. Он успокаивал себя так – Бог даёт человеку только то, что действительно нужно…

…Родители души не чаяли в Одетте. Угадывали любую её прихоть. Но надо отдать ей должное – желания девочки были незатейливы. Она хотела немногого. Ода мечтала о титуле "Снежный барс", которым награждаются альпинисты, покорившие высочайшие горы.

– Мама, можешь дать мне денег на новые карабины? – в канун рокового дня рождения спросила Одетта.

Родители всегда осуществляли желания своей старшей дочери. Оди, подслушавшая этот разговор, была уверена – сестра получит то, что просит.

– Конечно, ласточка моя, – сказала мама и поцеловала Одетту.

Одиллия тоже решила попробовать. Как и всякий подросток, она любила манипулировать родителями.

– Мам, нужны бабки, – пережёвывая зелёное яблоко, проговорила девочка.

Мама готовила ужин. Она так и замерла с ножом в руке. Людмила Александровна воспитывала дочерей в строгости, и это было неудивительно. Дети не обладали усидчивым характером и много шалили. Близнецы выглядели одинаковыми, и мама иногда одевала их в похожую одежду. Девочек часто путали учителя, и это было Оди на руку. Она озорничала, но ответственность за её проступки сёстры несли сообща.

– Одиллия, кто научил тебя таким словам? – возмутилась мама и оглянулась через плечо.

Девочка не ответила, но вопросительно посмотрела на мать и на мгновение залюбовалась её точёным греческим профилем. Под изогнутыми чёрными бровями блестели льдисто-голубые глаза. Гладкие волосы она собрала в тугой пучок. Несмотря на любовь к вкусной еде и несомненный кулинарный талант, мама сохранила стройную фигуру.

– Я давала тебе деньги на расходы в понедельник. Уже потратила?

– Да, мои карабины сломались, – солгала Оди.

– Мы же покупали их совсем недавно.

– Для тренировок требуются надёжные.

– Хорошо, мы вместе пойдём в спортивный магазин и подберём карабины, – сказала она и продолжила резать морковь.

– Хочу, сама купить, – упрямо произнесла Одиллия.

– Вот придём в магазин, и ты сама их выберешь, – пообещала мама, поставив тарелку с салатом на стол.

В выходные, как и было обещано, они отправились в магазин спортивного инвентаря, и целый час Одиллия бродила между рядов со снаряжением для скалолазания. Карабины были ей не нужны. Она хотела купить мини-юбку, но стеснялась рассказать об этом матери.

– Оди, нашла то, что искала? – поинтересовалась мама.

– Конечно, – прорычала Одиллия, схватив первые попавшиеся карабины.

Голоса прошлого эхом раздавались в памяти Оди, доставляя горечь и радость одновременно…

– Мне казалось, что родители всегда потакали капризам Одетты, а меня держали в строгости. Теперь я понимаю, что они пытались усмирить мой характер, старались не испортить меня. Но некоторые люди рождаются с червоточиной…

…Однажды Одетта принесла очередную медаль с городских соревнований. Родители хвалили её, а Одиллия отсиживалась в стороне. Девочка чувствовала, как они гордятся сестрой. Одетта светилась от счастья, словно бы она только что выиграла олимпиаду.

– Когда-нибудь ты станешь чемпионкой, – мечтал отец и мама захлопала в ладоши, как ребёнок…

– Думаю, ваши родители возлагали на вас большие надежды, – произнёс настоятель и внимательно посмотрел Одиллии в глаза. Она стыдливо отвела взгляд и всхлипнула.

– На неё. Они возлагали надежды на Одетту, я была дополнением, – в голосе гостьи звучала ревность.

– Завидовать, хуже, чем враждовать! А кто поражён завистью и соперничеством, тот жалок, потому что он соучастник злобы. Вы много сравнивали себя с сестрой. Сравнение – источник зависти, а зависть – источник зла!

Именно в зависти настоятель видел корень всех её проблем.

– Не в силах наблюдать, как они превозносят её, я убежала в свою комнату и заперла дверь на ключ, чтобы никто не вошёл. Упала на кровать и уткнулась в подушки, а когда повернула голову, то увидела аквариум, где безмятежно плавали рыбки. Их золотистая чешуя привлекла внимание.

"Пусть Одетта исчезнет" – попросила я у Аквы. Это произошло накануне тринадцатого дня рождения.

Замолчав, Одиллия следила за необычными тенями, танцевавшими на деревянном потолке. Настоятель прислушался к завыванию ветра. Буря только усилилась в последние часы. В этих краях давно не было такого шторма.

– И Аква… Исполнила моё желание, – прерывисто призналась она после долгой паузы и вновь воцарилось безмолвие.

Казалось, с момента начала исповеди прошла целая жизнь, но минул всего лишь час. Усталость не давала собраться с мыслями и продолжить повествование. Одиллия то проваливалась в сон, то снова испуганно открывала глаза. Стремление жить ещё никогда не было так сильно в ней.

Настоятель отлучался от гостьи несколько раз. Он знал, что она нуждается в помощи, поэтому не оставлял надолго. Созерцал, как её глаза хаотично бегают под тонкими веками, опушенными чёрными ресницами. Что же ей снится? Он и не подозревал, что она перенеслась во сне в тот день, который навсегда изменил её судьбу.

Священник решил подождать, сел на стул, открыл книгу, и щурясь, продолжил читать. При тусклом свете он едва различал буквы, что расплывались на старых страницах.

Почти полночь. Часы мерно тикали, отсчитывая мгновения до светлого праздника – Рождества Христова. Эта волшебная ночь дарит надежду на искупление.

***

К утру гостья скинула болезненные оковы сна. Настоятель накормил её куриным бульоном, напоил отваром из целебных трав и она продолжила свой рассказ:

– Тогда мы жили в Кировске. Отец работал инженером на Апатито-Нефелиновой обогатительной фабрике, а мама преподавала в гимназии. В ту роковую весну, мне исполнилось тринадцать лет. Родственники позаботились о том, чтобы день рождения запомнился надолго. Гостей собралось много, родители хлопотали вокруг них, а мы были предоставлены сами себе.

Мама приготовила столько разных блюд. Я почти ничего не ела, у меня всегда был плохой аппетит…

…Пристально наблюдая за Людмилой Александровной, Одиллия отдала куриную ножку коту Феликсу. Сестра с неодобрением проследила за ней, она считалась примерной девочкой, поэтому оставила свою тарелку чистой.

– Здесь скучно, – шепнула Оди и подмигнула ей.

Ода неуверенно улыбнулась, поняв, что задумала девушка.

– Пойдём, – сказала Одиллия и схватила Одетту за руку.

Никем не замеченные, они сбежали с праздника. В душе у обеих царило озорное настроение. Одиллии нравилось нарушать правила, идти наперекор миру. Одетта безропотно плелась за ней, хотя сама не понимала, хочет этого или нет. Нередко она слепо подчинялась влиянию своенравной сестры-близнеца.

– Куда мы? – насторожилась Одетта.

– Скоро узнаешь, – ответила Одиллия и ускорила шаг.

Минуя главную улицу, ведущую к сердцу города, они быстро добрались до кромки, отделявшей лес от города, окружённого со всех сторон горными кряжами. Там в глубине лесной чащи скрывалась кварцевая штольня, которая уже много лет была заброшена. Кварцевый песок и кристаллы, что добывали здесь до Великой Отечественной войны, использовались для производства стекла. Теперь тут редко появлялись люди. В округе властвовала пустота и необъяснимое умиротворение. Мягко шумели кроны берёз, на ветвях затянули весенние песни соловьи. Рядом слышалось неспокойное течение реки с широкими порогами. Озеро Большой Вудъявр служило истоком речки Белой. Она славилась бурным нравом. Вода в ней кипела и пенилась. Родители запрещали девочкам играть на побережье. Однако пологие берега со временем превратились в любимое место отдыха подростков.

Чем ближе сёстры подходили к скале, где когда-то велась разработка, тем больше Одетта волновалась и суетилась, должно быть, предчувствуя что-то. Догадавшись, куда ведёт таинственный путь, она взяла Одиллию за руку.

– Может, не пойдём? – предложила сестра.

– Что испугалась? Это не страшнее, чем покорить горы, – бравировала Оди. – К тому же там нас ждёт Стасик!

Одетта зарделась. Кажется, она была влюблена в их друга, однако неумело скрывала это. Одиллия торопливо потянула её за собой. Сестра-близнец смиренно вздохнула. Она не любила споров, старалась сглаживать острые углы, но в то же время ей было не чуждо упорство.

– Не нравится мне эта затея, – пробормотала Одетта. – Давай вернёмся, пока родители нас не потеряли.

– Ты так предсказуема. Любишь быть послушной? – дразнила Одиллия. – Я не позволю тебе испортить наш праздник.

– Ты просто вредина, – поморщилась Ода и сдалась.

Снег в этом году растаял необычно рано. Они пошли вглубь леса, туда, откуда дул холодный ветер. Напряженное предвкушение скорых изменений не покидало их. Одиллия любила неизведанное, она стремилась к открытиям, Одетта шла позади неё, осторожно оглядываясь. Они не представляли, что спешат навстречу неумолимой судьбе.

У входа в кварцевую штольню их поджидал Стас Белов. С ним девочки познакомились в спортивной секции по скалолазанию, в которую записались, когда переехали в Кировск, расположенный у подножия Хибин. Стасу недавно исполнилось шестнадцать лет, он считал себя взрослым и всячески демонстрировал своё превосходство. Слыл заводилой в самых сумасбродных предприятиях.

Его каштановые волосы достигали плеч, а синие глаза он прятал за тёмными очками. В кожаной куртке и потёртых джинсах он выглядел, как герой американских фильмов. Мно-

гие ребята подражали ему, пытались стать его друзьями, однако Стас был избирателен. Его отец занимал пост директора на Апатито-Нефелиновой обогатительной фабрике, а мать служила там бухгалтером. Родители баловали единственного сына, угадывали всякое желание. Он любил путешествовать по Европе, изредка бывал в Шамони, где увлёкся альпинизмом.

Подростки часто виделись в спортивной школе. Стас несколько лет занимался скалолазанием, и ему не было равных, но до тех пор, пока в секции не появилась Одетта. Белову претило находиться в тени девчонки.

– Что вы так долго? – недовольно спросил юноша.

Стас злился – сестрички заставили его ждать. Он не любил ожидания, предпочитал действовать.

– Мы не могли так просто сбежать. Папа бы обиделся, – оправдывалась Одетта.

– Папа бы обиделся, – передразнила её Одиллия, а после обратилась к Стасу. – Где обещанный подарок?

– Он внутри, – подмигнув, произнёс Стас.

Эта пещера, созданная когда-то давно человеком, обладала притягательной, мистической силой и влекла загадочной красотой, скрытой от чужих глаз. Одетта осторожно посмотрела в сторону заброшенной штольни, вход в которую напоминал огромный рот беззубой рыбы.

Одиллия до сих пор помнила то мучительное томление, родившееся, когда они приблизились к вратам. Девушка испытывала необъяснимый трепет, хотя и не смела себе в этом признаться.

– Мы так и будем сомневаться или всё-таки войдём? – Стас подтолкнул Одетту к входу, но она замерла в нерешительности.

– Меня ничем не напугать! – воскликнула Оди и первой вошла в штольню.

Её обступили мрак, холод и тишина. По телу прокатилась нервная дрожь, вселявшая в разум липкое чувство ужаса. Следом шагали Стас и Одетта. Ощутив их присутствие за спиной, девочка успокоилась. Белов держал фонарик, но его серебряный свет был слишком блёклым. Энтузиазм Одиллии поубавился, когда она запнулась, не заметив в темноте сталагмит.

– Я замёрзла, – зябко поёжившись, Одетта скрестила руки на груди.

– Тут темно, – буркнула Одиллия и снова споткнулась.

– Уж эти девчонки! С вами каши не сваришь, – проворчал Стас.

Он чувствовал себя непобедимым супергероем, которому всё по плечу. Однако это был юношеский максимализм, скрывавший неуверенность в себе и желание нравиться.

– Сейчас мы остановимся на минутку и выключим фонарик, – предложил Белов и встал на месте.

– Это ещё зачем? – насторожившись, поинтересовалась Одетта.

– Выключай! – скомандовала Одиллия и дерзко улыбнулась сестре.

– Чтобы глаза привыкли, – пояснил Стас и нажал на кнопку.

Свет погас, и пещера погрузилась в кромешную мглу, которая сделалась осязаемой. Через пять минут Стас вновь включил фонарь, и свет теперь не казался таким тусклым. Он разливался перед ними, указывал дорогу и таял в нескольких метрах от безрассудных подростков, осмелившихся заглянуть в недра заброшенной штольни.

– Ну и где наш подарок? – нетерпеливо спросила Одиллия.

– Может, уйдём отсюда, – робко взмолилась Одетта, цепляясь за руку сестры.

– Раз уж мы здесь, то оторвёмся на полную катушку, – пообещала она, отстранившись от близнеца.

Луч света падал на пол штрека. Красный, как засохшая кровь или ржавчина. Кварцевый песок покрывал всё вокруг, казалось, что они очутились на Марсе. Воздух был спёртым. Неожиданно раздался пронзительный крик Одетты, который улетел вглубь подземного лабиринта и растворился там.

– Что это, Господи! На меня набросилось чудище! – кричала она, размахивая руками.

Изловчившись, Оди поймала это чудовище. Маленькое мохнатое существо испуганно уставилось на неё блестящими бусинами глаз.

– Глупенькая, это всего лишь летучая мышь, – рассмеявшись, Оди поднесла ушана к сестре-близнецу. – Милая мышка. Подари ей поцелуй.

Одетта громко завизжала, закрыв лицо руками.

– Безголовые курицы, – обругал их Белов.

Одиллия отпустила ушана, и он выпорхнул из штольни. В глубине шахты послышался нарастающий гул, словно разом взлетело множество голубей.

– Своим визгом переполошила летучих мышей, – с укором сказал Белов. – Сюрприз испортила!

– Какой такой сюрприз? – интересовалась Одиллия.

Любопытство не давало ей покоя. Стас дотронулся до её руки и пригласил идти дальше. Одетта нерешительно поплелась за ними, то и дело оглядываясь. Выход остался позади, а впереди ждала манящая неизвестность. Подростки прошли пятьсот метров по извилистым тоннелям, прежде чем на их пути возникла развилка из нескольких тесных ходов с низкими сводами, оставшимися от разведочных работ. Перед ними, будто из пустоты, появился узкоколейный путь, уводивший вглубь, туда, где царила абсолютная тьма, откуда веяло холодом. Стены и арки, украшенные ребристыми сталактитами серого цвета, привели девочек в восторг.

– На право пойдёшь, трилобита азафуса увидишь, – пробормотала Одетта.

– Нам налево, – бросил Стас.

Свет фонаря скользил по затейливо разрисованным самой природой стенам. Иней мерцал в полумраке. Оставляя после себя следы, Оди легко касалась пальцами стен, выдолбленных горняками. Древняя энергия, что пронизывала минералы, передавалась ей. Для подпорки сводов шахтёры делали колонны из горных пород. Импровизированный потолок поддерживался деревянными перекрытиями. Балки прогнили. В любой момент мог произойти обвал. Одетта с опаской поглядывала по сторонам.

– Вот и один из моих сюрпризов! – объявил Белов и как фокусник сделал широкий жест.

То, что увидели девочки, показалось им настоящим волшебством, неподвластным времени. Они попали в сказочный мир, где пространство переливалось всеми цветами спектра. Штрек докуда хватало света, был усеян кристаллами разных размеров.

– Как красиво! – восхитилась завороженная Одетта.

Особенно её удивили внушительные сверкающие кристаллы, что росли в хаотичном беспорядке на стенах пещеры, покрытых инеем. В штольне круглый год держалась одна и та же температура – плюс три градуса. Одетта прикоснулась к кристаллу, который походил на большую искрившуюся снежинку. На ощупь он был холодным и шершавым, и Ода почувствовала энергию, исходившую от него, должно быть, хранимую столетиями.

– Спасибо, это самый необычный подарок, какой мне когда-либо делали, – призналась Одетта и поцеловала Стаса в щёку.

То был скромный дружеский поцелуй. По лицу Белова скользнула самодовольная ухмылка. Одиллия вдруг ощутила укол ревности, хотя и не признавалась себе, что влюблена в юношу. Для неё это стало неожиданностью. Даже когда они флиртовали, девушка думала, что это всего лишь невинная игра. Однако тогда, увидев Станислава с сестрой, Одиллия поняла, что влюбилась. Она с неодобрением посмотрела на них и недовольно вздохнула.

– Мы сюда целоваться пришли? – закатив глаза, буркнула она.

Одетта зарделась и отпрянула от Станислава. Он тоже смутился, но только на мгновение.

– На этом сюрпризы не заканчиваются, – возвестил Стас и загадочно улыбнулся. – Но для того, чтобы получить свой подарок, вам предстоит пройти по ещё одному тоннелю.

Близнецы переглянулись, предвкушая новую авантюру. В этом возрасте многие подростки воспринимают жизнь, как волнующее приключение. Они не предполагали, чем закончится день рождения.

– А как называется эта пещера? – спросила любознательная Одетта.

– Это не пещера, – поправила её Одиллия, – а штольня.

– По области раскидано несколько таких штолен. Эта носит название "Красная звезда", – Стас проводил экскурсию, как истинный гид. – Двести лет назад здесь начали добывать кварцевый песок для стекольной промышленности. Чистейший песок без примесей, прошу заметить.

Примеси всё-таки имелись, они образовали причудливые узоры на стенах.

– Ты погляди, Оди, это же доисторические рисунки! – удивленно воскликнула Одетта.

Белов направил фонарь на стену и перед именинницами возникла картина охоты на мамонта. Рисунок был схематичным, выполненным белой краской, словно бы его малевал ребёнок. Могучие мамонты и люди с копьями навсегда застыли в памяти времён. Монохромные изображения, казалось, действительно нарисованы древними художниками. Однако их сделали туристы, и они не идут ни в какое сравнение с наскальной живописью, найденной учёными в Альтамире.

– А ещё здесь обитает призрак спелеолога, погибшего в начале восьмидесятых годов, – шёпотом поведал Стас замершим в ожидании чудес девушкам. – Ууу, берегись.

Одетта почувствовала гнетущее волнение, не отступавшее ни на секунду. Ей хотелось очутиться вдалеке от шахты.

– Может быть, уйдём отсюда? – шепнула Ода на ухо Одиллии, которая лишь дерзко рассмеялась.

Она не любила поворачивать назад на полпути. Так поступают только трусы, не способные одержать победу над собственным страхом. Оди повела за собой сестру-близнеца.

Подземные своды были низкими, и пока Одиллия не привыкла нагибаться, она несколько раз ударилась головой.

– Долго нам ещё идти? – сердито спросила она.

– Терпение, – ответил Стас и усмехнулся. Он умел создать интригу. – Слышите?

Они замерли, вслушиваясь в тишину. Её нарушало звонкое журчание. Грунтовые воды собирались в ручей и стекали в небольшое подземное озеро, которое, как говорили путешественники, имело голубоватое свечение, будто бы там располагались врата, ведущие в неизведанную Вселенную. Чуть дальше, когда подростки миновали несколько узких ходов, дорогу им преградила яма.

– Странно, ещё недавно её не было, – почесав затылок, произнёс Белов.

– Как это? Когда ты был здесь в последний раз? – спросила Оди.

– Возможно, мы свернули раньше, чем полагалось, – предположил он.

– Великолепно, мы заблудились! – подытожила Одиллия.

– Нет, здесь невозможно заплутать! Все тропинки ведут к подземному озеру. Оно волшебное! Мы преодолеем эту преграду, – предложил Стас и заглянул в тёмные недра.

– Мне холодно, давайте вернёмся, – хныкала Одетта.

Иногда она бывала такой нежной, как роза из оранжереи.

– Не бойся, сейчас согреемся, – обещал Стас и немного попрыгал на месте, разминая мышцы.

– Ты что намереваешься прыгать? – спросила Одиллия, пряча испуг за неуверенной улыбкой.

– Конечно, это маленькая ямка, – сказал Стас, пожав плечами.

Оди наклонилась и взглянула в глаза бездны. Ямка оказалась немалых размеров. В неё с легкостью мог поместиться целый дом. В глубину десять метров не менее.

– Не страшно! – крикнул Стас, наклонившись.

Из ямы донеслось гулкое злобное эхо, будто там жил могучий великан, ожидавший освобождения. Одетта нерешительно посмотрела в мрачную пропасть. Казалось, что в неизмеримой глубине таятся древние секреты человечества.

– Думаю, не стоит, – неуверенно промолвила Одетта.

Стас оставался глух к доводам рассудка. Он отсчитал больше двух десятков шагов, чтобы увеличить расстояние для разгона. Затем разбежавшись, перепрыгнул через огромную расселину, которая возникла у них на пути, и приземлился вдалеке от бездны.

– Ты сумасшедший! – воскликнула Одиллия.

– Повторишь?! – Стас бросил ей вызов.

Она медлила, долго всматривалась в тьму и неизвестность, что ждала впереди. Оглянувшись, Оди увидела тусклый свет. Следовало покинуть это странное пугающее место, но девушка не могла отступить, не могла струсить. К тому же чуть поодаль замерла в нерешительности её сестра-близнец. Представился шанс утереть ей нос…

– Гордыня ещё никогда не доводила до добра, – назидательно заметил настоятель, прогнав призраков прошлого.

Одиллия кивнула в знак согласия и закашляла.

– Не знаю, что двигало мной тогда, – хрипло произнесла она, – но я стеснялась показать свой испуг, боялась подорвать авторитет в глазах сестры. Поэтому я разбежалась, как заправский легкоатлет, и прыгнула. Опустилась в нескольких миллиметрах от рваного края ямы…

…Вспомнив тот момент, Оди вновь ощутила прилив адреналина. Стас поймал её за руку и помог выбраться. Она победила себя. Страх остался на другой стороне гигантской впадины.

– Теперь ты, – велел Белов.

– Это неоправданный риск, – пробормотала Одетта.

Стас не любил рисковать, но пустить пыль в глаза был не против. Он всегда стремился быть впереди Одетты. Очевидно, эту схватку она проигрывала.

– Ты что боишься? Трусиха, – подначивала сестра.

– Нет, – твёрдо заявила Одетта.

Стало заметно, что она сомневается и робеет. Но как спортсменка, Одетта привыкла преодолевать препятствия.

– Трусишка в беленьких штанишках, – продолжала дразнить Оди.

– А ещё чемпионкой мечтает быть, – подзадоривал Стас.

Одетта упрямо поджала губы. Она всегда принимала вызовы.

– Чёрт бы вас побрал! – тихо прорычала Одетта и застегнула толстовку.

Она решила прыгать с разбегу, как это сделала сестра-близнец. Лучше бы Ода спасовала и покинула проклятую шахту, но она была упорной. Отошла дальше и побежала. Одиллия вздрогнула от напряжения, когда наблюдала прыжок.

Одетта приземлилась на цыпочки у самого края глубокой ямы, но подействовала неумолимая сила притяжения. Ода выгнулась назад, её будто магнитом тянуло вниз.

– Помогите! – испуганно вскрикнула девочка.

Одиллия рванулась к ней, однако Стас преградил ей дорогу. Он схватил Одетту за руку, но внезапно отпустил. Девушка, потеряв равновесие, упала в пропасть. Её отчаянный крик эхом разнёсся по пустынной штольне. Через миг послышался глухой стук, и крик оборвался.

– Одетта! – Одиллия рухнула на колени. – Ода, как ты?

Но кроме своего взволнованного голоса Одиллия не различила ничего. Она застыла и прислушалась. Зловещая тишина повисла над ними подобно острому мечу.

– Что ты наделал? – она бросилась на Стаса с кулаками.

Он крепко прижал её к себе, лишив возможности двигаться.

– Осторожно, – прошептал мальчик. – Ты рискуешь отправиться за Одеттой.

В отчаянии Оди замерла, прислонившись к его груди. Тягостное безмолвие нарушало быстрое биение сердца Стаса.

– Пойдём, уже всё закончилось, – сказал он и увлёк девушку за собой.

Ноги не слушались. Одиллии хотелось вернуться и спасти сестру-близнеца. Душа рвалась на мелкие клочки. Там на дне этой бездны осталась её часть. Её лучшая часть.

– Погоди, а вдруг Ода жива. Ей нужна помощь! – воскликнула девочка, сжав его руку. – Я не могу её оставить.

Стас торопился сбежать. Он не слушал Оди, но всё же резко остановился, словно передумал уходить.

– Её уже не вернуть! У нас возникнут серьёзные проблемы, если ты проболтаешься о том, что здесь произошло, – предостерёг он.

– Это ведь Одетта – моя сестра. Разве ты не понимаешь? Я не могу бросить свою сестру, – она вырвалась.

– Мы никому не расскажем, как погибла Ода. Ты ведь не хочешь неприятностей? – Стас угрожающе сверкнул глазами.

Он взял её за локоть и повёл за собой. Сил сопротивляться не нашлось. Оди была оглушена мучительной скорбью и позволила себя увести.

Когда подростки нашли выход из штольни, на краткий миг их ослепило солнце, клонившееся к закату. После полумрака пещеры яркий свет подчёркивал нереальность произошедшего. Жмурясь и прикрывая глаза ладонью, Одиллия смотрела на залитый солнечным отблеском горизонт. В подземелье время жило по неведомым законам. Казалось, минула целая жизнь, но прошло всего лишь три часа.

– Исполнилась твоя главная мечта – ты станешь лучшей во всём, – пробормотал Стас.

Одиллия обессилено, опустилась на валун, что лежал у входа в штольню. Она не ощутила ничего, словно бы умерла.

– Ты убил мою сестру, – прошептала Оди.

Горе разом навалилось на неё и отняло способность громко говорить.

– Она сама упала, – возразил он.

– Я видела, как ты отпустил её руку!

– Тебе показалось. Было темно, ты ничего не разглядела, – утверждал он. – Мало ли что тебе привиделось.

– Я расскажу родителям, – пообещала Одиллия.

– Лучше молчи, говорить буду я, – велел он ей. – Ты даже не подозреваешь, чем нам грозит эта невинная шалость.

– Шалость? – удивленно переспросила девочка.

– Не цепляйся к словам! Хочешь, чтобы нас наказали?

– Я ничего дурного не сделала, – оправдывалась она.

– Правда? Значит, тебе не о чём беспокоиться, – проговорил Белов и недобро усмехнулся.

Теперь Одиллия боялась Стаса, потому что не знала, что от него ожидать. Он был непредсказуемым и очень упрямым юношей. Чуть позже, когда их допрашивали, он искусно изображал непонимание и испуг, менял маски так быстро, словно был актёром в столичном драмтеатре.

***

Очутившись дома, Одиллия застала родителей на кухне. Мама мыла посуду, отец вытирал тарелки и составлял их в буфет, по размеру и цвету, как положено. Он был ревностным сторонником порядка и требовал от своих домочадцев, чтобы они подчинялись правилам, установленным им. Все тарелки должны быть составлены по величине, ручки кружек повёрнуты в одну сторону, тапочки стоять ровным рядом. Правил было великое множество.

Дочь застыла на пороге, наблюдая за тем, как воркуют родители. Заметив Оди, отец поставил блюдо в шкаф и спросил:

– Почему вы убежали? Заскучали?

В его круглых серых глазах промелькнула обида. Присутствие всей семьи на празднике – незыблемое правило. Обычно он придерживался строгого распорядка и того же ждал от детей.

– А где Одетта? – нахмурился он.

Мокрая тарелка выскользнула из рук матери и разбилась. Осколки, как в замедленной съёмке, разлетелись по полу. Одиллия отрешенно разглядывала линолеум, машинально считая количество черепков.

– О ничего, милая, это к счастью, – успокоил отец, а мама принялась собирать осколки.

Если бы эти никчёмные приметы работали! Если бы разбитая тарелка могла вернуть ей сестру, Одиллия бы перебила гору посуды.

– Не знаю, где Одетта, – прошептала Одиллия.

Занятые уборкой, родители не услышали ответа.

– Вот чёрт! – выругалась мама, порезавшись.

Валерий Михайлович зажал ранку полотенцем. Он всегда заботливо обходился с женой, боготворил её, а она только позволяла любить себя. Папа обладал неказистой внешностью: носил очки с толстыми линзами и рано облысел. Однако он отличался сильной волей и искромётным чувством юмора, чем компенсировал все недостатки.

– Наверное, Одетта уже в детскую ушла, – предположила мама и облизнула порезанный палец.

– Я не знаю, где она, – робко повторила Одиллия. – Не знаю, не знаю.

Будто в трансе девочка произносила эти слова снова и снова. Ей было холодно, дрожь пробирала до самых костей. Отец закрыл распахнутое окно, накинул дочери на плечи кофту, но и она не подарила спасительного тепла. Оди переживала и боялась. Колени дрожали, она едва стояла на ногах. Отец подхватил её на руки, отнёс в комнату и положил на кровать.

– Что стряслось, Оди? – волновался он. – Где Одетта?

– Не знаю, – бормотала Одиллия.

– Вы вместе сбежали. Поругались? – нахмурив брови, расспрашивал папа. – Она обиделась?

– Я не знаю! Не знаю! – сорвавшись на крик, она накрыла голову подушкой.

Хотелось спрятаться ото всего мира, а особенно от родителей. Они оказались не готовы к такому удару. Да и кто готовится к исчезновению родного человека? Всю ночь после трагической гибели Оды они не ложились спать. Отец ушёл в центр города, взяв с собой фотографию Одетты. Он подходил к немногочисленным прохожим и спрашивал у них, не видел ли кто девочку. Нетрудно догадаться, что Валерий Михайлович так и не нашёл дочери.

Мама не выходила из комнаты Одетты, всё ждала, что она вернётся. Одиллии той ночью не спаслось. Постоянно слышался предсмертный крик сестры, всплывали её странные слова.

– Хочу раствориться в жизни, – произнесла Одетта, улыбнулась и исчезла в её памяти, как призрак.

Утром Одиллия решила заглянуть в комнату сестры, ожидая увидеть её там. Вдруг ничего страшного не случилось. Произошедшее обернётся ночным кошмаром, который когда-нибудь станет смутным воспоминанием. Оди замерла у двери.

"Ты никогда не узнаешь, если не войдёшь" – сказала она себе.

Глубоко вздохнув, Одиллия отворила дверь. На кровати сжав простыню, хранившую запах Одетты, лежала мама. Она устремила на Одиллию немигающий взгляд, полный надежды. Конечно, она хотела бы увидеть старшую дочь. Оди была готова поклясться, что заметила, как в глазах матери мелькнуло разочарование. Короткий миг, до сих пор отдаётся болью в её сердце.

– Где же твоя сестра? – тихо спросила мама.

***

– Её напугали летучие мыши. Одетта закричала и выскочила из пещеры, я побежал за ней, но когда очутился снаружи, её нигде не было, – сообщил Стас милиционеру, который допрашивал его.

Краем уха Одиллия слышала, что он говорил. Голос Стаса звучал уверенно, так, будто он рассказывал правду.

Чуть позже пришла и её очередь. В сопровождении матери и отца Оди зашла в кабинет следователя – маленькую каморку с немытыми окнами, сквозь которые пробивался яркий весенний свет. Девушка робко села на стул, стоявший напротив милиционера. Родители устроились позади неё на скамейке. Серые глаза сотрудника милиции, окруженные паутиной морщин, тут же впились в девочку. Чувствуя вину, она опустила голову и смотрела на свои тонкие пальцы.

– Что произошло восемнадцатого мая? – страж порядка равнодушно посмотрел на записи, коих он сделал немного.

Седовласый старик показался ей карикатурно огромным, а сама она выглядела несоизмеримо крошечной. Он задавал много вопросов и стремительно увеличивался в размерах.

"*Ты не сможешь молчать*" – послышался шёпот сестры.

Оди огляделась, надеясь, или же, напротив, опасаясь, увидеть Одетту. Но назойливый голос звучал в её голове. Проклятое воображение шутило с Одиллией.

"Её здесь нет, и быть не может. Она погибла. И я стала тому свидетелем. Безмолвным свидетелем" – подумала девочка.

– Тебе нездоровится, милая? – беспокоилась мама, сидевшая позади неё. Отец то и дело нервно вздыхал.

– Ты немая? – нарочито ласково осведомился милиционер.

Одиллия отрицательно покачала головой, но почувствовала, как по телу разлился холод и внутри всё онемело, словно подействовала анестезия.

– Так почему ты молчишь? Что-то испугало тебя? – расспрашивал участковый и ни на секунду не сводил с неё пронзительного взгляда. – А может быть кто-то?

Когда он задал последний вопрос отчаяние достигло предела. Девушку трясло, как в лихорадке. Будто партизан под пытками, она не проронила ни слова. Предательские слёзы собрались в уголках глаз и почти выдали её.

– Перестаньте мучить мою дочь! – вскочив со стула, воскликнула мама.

Она подошла к дочери и, обняв, заставила встать. Когда они вышли, Оди испуганно оглядывалась на следователя, сидевшего в пыльном кабинете. Отец остался и ещё долго разговаривал с милиционером.

Оди с матерью сели на пластиковых сидениях в коридоре. Женщина держала дочь за руку, как в детстве, когда Одиллии бывало страшно. Это дарило чувство спокойствия, словно бы то, что приключилось только ужасное сновидение.

Мама что-то говорила, но её голос тонул в неясном шуме. Звук приближался и становился отчетливым. Это смеялась Одетта. Её смех был навязчивым и безумным. Одиллия замотала головой, отгоняя наваждение, но хохот сделался громче и почти оглушил её. Не выдержав, девушка покинула пункт милиции. Ещё никогда она не бежала так быстро. Растрепавшиеся волосы хлестали по щекам, мокрым от слёз.

"Ты должна рассказать им! Ты обязана!" – кричала вслед Одетта, а её сестра закрывала уши руками.

***

Несколько часов Одиллия блуждала по городу. Останавливалась, когда испытывала непреодолимую усталость. Рядом с собой она ощущала присутствие чего-то необъяснимого.

Тревожное ощущение терялось в толчее. Но призрачная тень вновь настигла Оди, когда она свернула в глухой тупик. Словно неприкаянная, девочка бродила среди старых домов.

Улицы Кировска, построенного в укромной долине, причудливо изгибаясь, уводили вверх. Из каждого двора виднелись величественные пики. Одиллия застыла у геологического музея и смотрела на башню с часами, стрелки которых едва ползли. Она поглядела вдаль, и её внимание вновь привлекли могучие кряжи, окутанные свинцовыми тучами. Горы органично вписывались в перспективу городских переулков. Человек не желал отставать от природы и создавал монументальные здания. На полукруглой площади тянулись к серому небу дома, принадлежавшие к сталинской архитектуре. Невысокие деревья едва ли достигали окон трёхэтажных строений. Чуть повыше у подножия гор росли карликовые деревца, а сами склоны покрывали мхи и лишайники.

Остановившись на берегу озера Большой Вудъявр, девушка пристально глядела вниз. В спокойных водах отражались мягкие облака, лениво плывшие по небу. И снова громады гор, угнетали Одиллию, давили на сознание и, чудилось, что с каждой секундой они становились ближе. Оди отшатнулась, но куда бы ни пошла, её всюду преследовали горы. Предгорье окружило Кировск, словно ширма, скрывавшая секреты жителей от посторонних глаз. Сумерки медленно заполняли окрестности.

Одиллия вернулась домой вечером, когда по переулкам разлился тусклый свет фонарей.

– Где ты была? – строго спросил отец, едва Одиллия переступила через порог. – Мать себе места не находит, а ты так себя ведёшь?

Не дослушав его гневную тираду, дочь заперлась в детской и не впустила даже маму, которая принесла ей ужин. Людмила Александровна успокаивала её, просила открыть, умоляла рассказать о несчастье, случившемся в день рождения, но девушка молчала, как и велел Стас.

На следующее утро она увидела мать в комнате сестры. Оди остановилась в дверном проёме, наблюдая за плавными движениями мамы, которая разбирала высохшую одежду.

– Одетта скоро вернётся, она не может пропасть навсегда, – сказала мама, потом сложила вещи в комод.

В её голосе было столько надежды и страдания, что Одиллия, не выдержав, убежала в комнату, забилась в шкаф и вопила, зажав во рту шерстяную кофту.

Потом были поиски. Долгие и мучительные. Людмила Александровна взяла отпуск и даже организовала небольшой отряд волонтёров для поиска пропавшей дочери. Она просила и Одиллию присоединиться к ним. Родители верили, что их связывают особые узы, а значит, Оди почувствует присутствие сестры-близнеца. Девочка отказывалась идти в лес под различными предлогами.

– Ты не хочешь, чтобы мы отыскали твою сестру? – упрекнула мама, взглянув на дочь с подозрением.

Оди ничего не ответила. У неё не хватило смелости раскрыть ей правду. От этой странной нерешительности окончательно онемел язык. Одиллия провела в безмолвии почти два месяца.

Глава 2. Исповедь

Добровольцы сутками прочёсывали лес, заглядывали под каждый куст, откидывали поваленные стволы больных деревьев, но это было всё равно, что искать снег в пустыне. Они никогда не найдут её тело, ведь неупокоенная Одетта осталась в штольне. Она заслуживала, чтобы её похоронили по христианским обычаям…

– После гибели Одетты я не могла зайти в лес. Только спустя два месяца я убедила себя, что нужно пойти туда. Родители упрямо продолжали поиски. Мама опрашивала знакомых, а папа расклеивал листовки по городу. С каждого столба на мир взирало красивое юное лицо моей сестры. Оно было живым напоминанием о том печальном дне, который я не забуду, даже если загадаю желание Акве, – не скрывая слёз, призналась гостья.

Она старалась вычеркнуть то мрачное время из памяти, но воспоминания неумолимо возвращались в кошмарах. Это стало тяжким испытанием для семьи Шумилиных. Сон надолго покинул их дом. Мама плакала ночами, отец утешал её. Людмила Александровна думала только о любимой пропавшей дочери. Хотя никто не произносил вслух, но Оди чувствовала, что родители считают её виновной в загадочном исчезновении Одетты.

В один из дней отчаянных поисков отец схватил Одиллию и тряс так сильно, что казалось, хотел вытряхнуть душу из хрупкого тела.

– Где Одетта? – спрашивал он и его красные воспалённые глаза впивались в душу подростка, исследовали каждый её закоулок. – Где моя дочь? Отвечай!

Одиллия не произнесла ни слова – её язык не шевелился, а горло не желало издавать звуки. Валерий Михайлович ждал ответа, требовал его. Девочка оцепенела и испуганно глядела на отца, не в состоянии оттолкнуть его. За мгновение он смягчился, хватка ослабла, и дочь рухнула на пол.

– Извини, милая, – он присел и обнял её. – Я не могу простить себя, за то, что не доглядел за ней. Мне не следовало отпускать вас.

Так их застала мама. Она села рядом и обняла своих родных. Оди не выдержала этих объятий и разрыдалась.

Семья страдала, но страдала порознь. Они оказались не готовы разделить горе друг с другом. Родители жили, словно по инерции, не проявляя чувств. Ходили на работу, готовили еду, но мало разговаривали, вернее почти не общались.

Одиллия избегала встреч со Стасом, забросила занятия скалолазанием. Ведь всё напоминало о погибшей сестре. Однако девушку, словно магнитом тянуло, вернуться в штольню. Вход в шахту, как портал в другое измерение, завораживал.

***

Она долго решалась, оттягивая неизбежное. Оглядывалась, искала предлог, чтобы уйти, смотрела на небо. Ветер разогнал пушистые белые облака. Показалось солнце – яркое, обещавшее жаркий день. Ветер шумел в кронах деревьев, словно заплутавший странник, бродил между стволами елей. Воздух был напоен ароматами смолы и мокрой земли. Природа хмелела от летнего зноя. И эта радость резко контрастировала с тем, что случилось в проклятой штольне и ощущениями, снедавшими Одиллию. Страх, что кто-то узнает секрет, и осознание своей вины никогда не дадут ей покоя. На поляне Оди срывала ромашки и золотарник.

– Я так и думал, что ты придёшь именно сегодня, – сказал Стас.

Одиллия, сосредоточенная на собирании букета, вздрогнула от неожиданности. Распущенные волосы скрывали её лицо. Она не хотела видеть Белова.

– Ты давно сюда не приходила. Почему?

Она посмотрела на него снизу вверх. Грязные кроссовки, потёртые джинсы, мятая футболка. Свитер он нервно сжимал в руках. На лице обозначилась щетина – знак превращения мальчика в мужчину.

Одиллия ничего не ответила, и боясь выдать тревогу, продолжила собирать ромашки. Ей хотелось чтобы Стас исчез, оставил её в одиночестве. А он бесцеремонно разглядывал её. Подметил изменения. Оди осунулась, побледнела и была небрежно одета. Внешний вид не волновал девочку. Закончив с букетом, она встала. В молчании, полном напряжения, они пошли к штольне.

– Тебе видно нравится играть в молчанку? – лишившись выдержки, воскликнул Белов. Его раздражала тишина.

Одиллия ощутила опасность, исходившую от мальчишки, в которого когда-то, в прошлой жизни, была влюблена. Теперь же он предстал в ином свете. Способный на жестокий поступок, он пугал её. Оди опасалась, что Стас выдаст их общую тайну. И тогда… Тогда их ожидает неминуемая расплата. Девочка представила гнев отца и неизмеримую печаль матери. Нет, Одиллия никому не расскажет.

И вот этот момент настал. Они ступили на кроваво-красный кварцевый песок, который был рассыпан всюду.

– Мы как преступники, которых тянет на место преступления, – промолвил Белов. Его голос разлетелся по пещере и вернулся к нему неясным эхом.

"Я не преступница. Это ты – преступник " – хотела сказать Одиллия, но язык не двигался, она осталась безмолвной. Немота была её спасением и наказанием одновременно.

Подростки быстро нашли место гибели Одетты. Долго стояли у ямы, словно это были похороны. Никто из них не придумал прощальную речь. Одиллии стало холодно, несмотря на тёплую кофту. Одетта была рядом, она в недоумении взирала на них. Ведь это они были повинны в её преждевременной смерти.

Оди бросила свой незатейливый букет в тёмную бездну, что жестоко поглотила её близнеца.

– Покойся с миром, – произнёс Стас, взорвав шёпотом тишину.

В душе Оди клокотало возмущение. Как он смеет? Внезапно она почувствовала, что возможность говорить вернулась к ней. Словно какая-то магическая сила подарила ей голос.

– С миром? – рассердилась Одиллия. – С миром?!! Ты убил её! Никакого мира ни нам, ни ей отныне не будет!

– О, ты заговорила! Если тебе спокойнее думать, что это я убил Одетту пусть так и будет, – пробормотал Стас, отвернувшись от Одиллии.

Послышался странный стон, затем последовал шорох, будто кто-то находился рядом с ними.

– Ты слышал? – насторожилась Одиллия.

– Возможно, это летучие мыши, – успокоил Стас.

– Да, да, конечно. Ты ведь не веришь собственным словам.

Они подумали об одном и том же, но никто не решился произнести эту фразу вслух. Нечто затаилось в абсолютной темноте и ждало часа искупления. Неприкаянный призрак Одетты скитается по заброшенной штольне в поисках выхода, который никогда не найти…

– Но почему Стас так поступил? Зачем намеренно отпустил руку вашей сестры? – вдруг спросил настоятель.

– Полагаю, зависть была его мотивом, – хрипло произнесла Одиллия. – Ему не нравилось, что тренер выделял Одетту и связывал свои чаяния именно с ней. Она считалась лучшей из его учеников, ей не было равных. К тринадцати годам она несколько раз выигрывала Всероссийские соревнования. А Стас, который раньше подавал большие надежды, топтался на месте. Он винил в этом Одетту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.